

Александр КАЗИН

КРУГИ РУССКОЙ ИСТОРИИ

Россия как страна, и тем более как цивилизация, вызывает и будет вызывать к себе самое противоречивое отношение – от надежды до ненависти. По поводу места России в мире логически и исторически даются три главных ответа. Первый, сформулированный в свое время графом А.Х.Бенкендорфом, звучит примерно так: прошлое России замечательно, настоящее великолепно, а будущее превосходит всякое воображение. Сегодня над этими словами не смеется только ленивый, однако следует помнить, что к 1913 г. Российская империя набрала такую цивилизационную динамику, что если бы она продолжилась ещё лет 20, в 1940-х гг. Европа бы имела единственную сверхдержаву – царскую Россию.

Второй ответ, противоположный, сформулирован в философской форме П.Я.Чаадаевым и развит впоследствии всеми русофобами: Россия находится как бы вне общей истории человечества и существует для того, чтобы дать миру какой-то важный урок. В XX в. эта мысль обрела вид пресловутой «круговой» концепции нашего национального движения, описываемого как бесконечный тупик, вечное повторение одного и того же – диктатура-хаос, заморозки-оттепель. Какой-то умник придумал ещё «Верхнюю Вольту с ракетами». Однако «вольты» не побеждают в мировых войнах и не выходят первыми в космос. В лучшем случае они пиратствуют, как в Сомали...

Третий и единственно верный ответ был дан две тысячи лет назад и навсегда. «Кого люблю, того наказываю», и «Горе вам, богатые, ибо вы уже имеете награду свою» – обе эти заповеди неукоснительно соблюдаются в религии, государственности и культуре почти всех народов, служащих не «этнографическим материалом» (Н.Я.Данилевский) истории, а действительно делающих её.

Попытаемся обозначить некоторые основные вехи исторической динамики православно-русской цивилизации, исходя из того, что цивилизация – это определенная духовно-антропологическая и социокультурная сущность, развернутая в большом времени.

В метафизическом центре цивилизации находится религиозное ядро, включающее в себя веру народа и его священный язык, на котором он говорит с Богом. В русской цивилизации это, соответственно, православная вера и славяно-русский язык. Вокруг указанного ядра располагаются цивилизационные оболочки, начиная с интеллектуально-нрав-

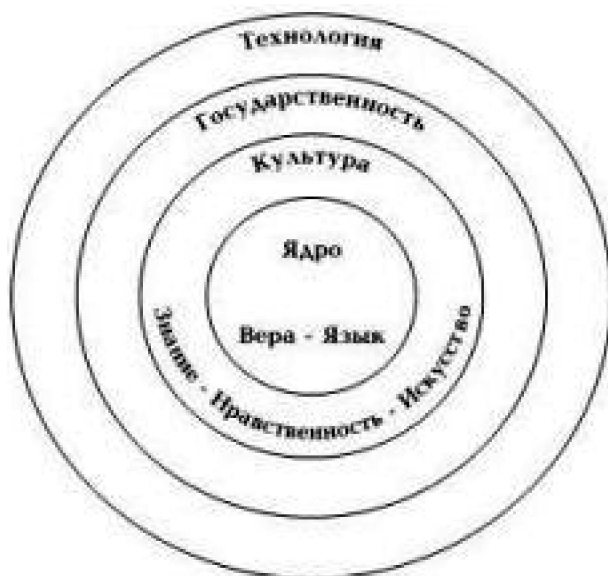
ственно-художественной (собственно культура); далее следует государственно-политическая сфера – область соединения священства и царства, духовной и светской власти; наконец, внешнюю форму цивилизации образует её хозяйственно-экономическая и технологическая жизнь, «тело власти», излучающее её энергию на весь остальной космос. Как в геостратегическом пространстве, так и в геополитическом времени христианская цивилизация являет собой единство, в котором по неисповедимому промыслу Божию борются друг с другом добро и зло. Образы, символы, знаки, стереотипы культуры – это духовно-смысловая иерархия («лестница»), одновременно сближающая и разделяющая между собой абсолют Сущего и относительную человеческую сущность. Применительно к исторической динамике это означает, что некоторые оболочки цивилизации – в частности, культура – могут иногда значительно отдаляться от её онтологического ядра или даже вовсе противоречить ему. Для наглядности изобразим строение цивилизации в виде графической схемы.

Теперь можно сформулировать основную мысль статьи, которую я хотел бы донести до читателя: история России – русского народа, русской культуры – представляет собой упорную борьбу за сохранение православного ядра нашей цивилизации в условиях вызова со стороны чужих или даже враждебных Русскому миру сил. Каждый раз, когда Русь-Россия испытывала очередной (внешний или внутренний) удар этих сил, она находила в себе источник восстановления, причем источник этот неизменно находился в области священного религиозно-

языкового ядра русской вселенной.

Судите сами.

1. Татаро-монгольское завоевание и последующее иго XIII-XV вв. Мы не будем здесь обсуждать все блага, принесенные на Русь татарами (см. об этом труды евра- з и й ц е в , о т Н.С. Трубецкого до Л.Н. Гумилева), скажем только, что это было сильней-

шее потрясение всех оболочек православно-русской вселенной, прежде всего, государственной, экономической и военной. Целые области и города лежали в руинах. Князья были вынуждены ездить в Орду за разрешением на княжение, как это делал, например, св. Александр Невский, и некоторые из них погибали там мученической смертью, как св. Михаил Тверской. Единственное, чего татары, по сути, не тронули, была православная церковь, и вот именно здесь, в центре сакрального ядра отечественной цивилизации, постепенно копилась та духовная мощь, которая вывела Русь в 1380 г. на Куликово поле. Как известно, именно св. Сергей Радонежский благословил Дмитрия Донского на битву и дал ему в поддержку двух воинов-иноков – Пересвета и Ослябю. После победы над Мамаем Русь начала неудержимо возрастать во всей своей полноте, так что к концу XVI в. это было уже не Московское княжество, а могучее Царство, Третий Рим, перешагнувшее Урал и присоединившее к себе огромную Сибирь, граничащую с Китаем.

2. Смутное время начала XVII в. Снова исторический вызов брошен целостной структуре Русского мира, начиная с его внешних обводов и кончая государственностью и верой (польско-католические аспекты деятельности Лжедмитрия I и Лжедмитрия II). Марина Мнишек не случайно появилась тогда в Москве. Однако промысел Божий проявляется в том, что всякий раз в эпоху больших испытаний на Русь посылается великий святой или выдающийся пастырь церкви. Так случилось и тогда – в 1589 г. происходит интронизация первого московского патриарха Иова, а главная тяжесть борьбы со смутой выпала на долю св. мученика патриарха Гермогена – и потом уже поднялось ополчение Минина и Пожарского. Сила народа в его вере и единстве: если они наличествуют, любой вызов может быть преодолен.

3. Петровская революция начала XVIII ст. и петербургская Россия. Я намеренно употребляю слово «революция», а не реформа, потому что это была именно тотальная цивилизационная революция и даже в определенном смысле война с собственной исторической и духовной традицией (как известно, после Петра население России уменьшилось почти на четверть). Парадокс дела Петра Великого заключается в том, что внешние оболочки русской цивилизации – техника, наука, военное дело и т. д. – при нем были радикально укреплены, перейдя на принципиально иной уровень, и если бы этого не было сделано, Россия потерпела бы национальное крушение уже в XVIII в. Однако сознательно или бессознательно Петр противодействовал именно вертикальной развертке традиционной русской жизни. На уровне религии Петр отменил патриаршество, на уровне государственности заменил соборную (народно-земскую) монархию европей-

ским абсолютизмом, то есть фактически попытался провести нечто вроде протестантской реформации на почве живого православия. Наконец, на уровне культуры он стал родоначальником знаменитой русской интеллигенции, научившейся думать о своей стране сначала по-немецки, ко времени Пушкина – по-французски, к концу XIX в. – по-английски, а нынче, кажется, по-американски. Ясно, что это вызвало активный народный протест, от костров старообрядцев до восстания Пугачева, однако едва ли не самый выразительный образ глубинного раскола отечественной цивилизации в условиях петербургской модернизированной Руси предложил Пушкин в «Евгении Онегине»:

Она (*Татьяна Ларина – А.К.*) по-русски плохо знала,
Журналов наших не читала,
И изъяснялася с трудом
На языке своем родном.

Это до чего нужно довести собственный народ, чтобы деревенская дворяночка не умела говорить по-русски!..

И всё же русская духовная энергетика не умерла в результате деяний этого гиганта на бронзовом коне. Следует подчеркнуть, что ни церковь, ни народ так до конца и не приняли петровской реформы. В церковном и народном духе император Всероссийский продолжал оставаться священным – помазанным Богом – православным царем, хотел он того или нет. И дело тут не в том, что русские церковные иерархи в лице Петра помазали на византийское и русское служение западный абсолютизм (как думает, например, А. Шмеман)¹, а в том, что сама петербургская монархия не вышла целиком из потока православной духовной традиции. Речь идет не о настроениях и планах отдельных людей, речь об объективном духовно-онтологическом статусе русского государства. Подобно тому, как московский царь оставался помазанником Божиим независимо от своей личной доброты или злобности², так и петербургский, одетый в камзол или лосины император в православно-народном сознании оставался царем-батюшкой, земным отображением – и рабом – Небесного Царя. Конечно, часть народа заподозрила в Петре антихриста и затем ушла в «леса» и «на горы», чтобы не участвовать в его делах, но это разговор особый. Что касается «большой» истории России, магистральной линии ее вселенского христианского служения, то нет сомнения в том, что петровские преобразования, основание Петербурга, заимствование западных этикетов, мод и наук лишь модернизировали Россию, но не убили Святую Русь. Корчившаяся под пером (и кнутом) петровских указов, побеждавшая вместе с ним под Полтавой и Гангутом, танцевавшая на ас-

самблях и опивавшаяся на всешутейших соборах Россия в глубине своей бессмертной души продолжала молиться Христу, знала, что Он все видит и за все спросит... Так или иначе, петровские реформы не достигли ядра русского духа, не произвели цивилизационного слома, хотя поломали и покорежили почти все его внешние слои. Уж как суров И.Л. Солоневич в оценке петербургской монархии, а и тот усматривает начало восстановления в ней священного Царства («православную реакцию») уже в деятельности императора Павла Петровича. Можно сказать, что, начав свое историческое движение с петровской дыбы («Россию вздернул на дыбы»), петербургская монархия и культура дала в своем завершении мученическую фигуру царя Николая Александровича и всей его августейшей семьи, кровью своей запечатлевших подвиг последних русских самодержцев...

Возвращаясь к нашей схеме, подчеркнем, что небесное ядро православно-русской цивилизации и на этот раз спасло земную Россию от распада, послав ей в начале в конце XVII-начале XIX в. св. Серафима Саровского и других выдающихся подвижников, засвидетельствовавших верность Святой Руси своему божественному призванию. На уровне государственности к власти пришел император-искупитель Александр Благословенный (возможно, будущий старец Федор Кузьмич), под водительством которого была одержана «онтологическая» победа в Отечественной войне 1812 г. против коронованной французской революции в лице Бонапарта (вторичность оболочек цивилизации иллюстрируется тем, что известный совет в Филях под руководством Кутузова проходил на французском языке). Наконец, в области светской модернизированной культуры неопровержимым (и до сих пор не превзойденным) знаком возврата к классической ценностной вертикали стало творчество Александра Пушкина, показавшего – в отличие от своих современников Гете и Байрона, – что гений и свобода не обязательно на стороне демона, что они могут быть и на стороне Бога.

4. Роковой 1917 г. У меня нет возможности в короткой статье подробно развивать эту тему (интересующихся отсылаю к своей книге «Великая Россия. Религия. Культура. Политика.», СПб.: изд. «Петрополис», 2007). Кратко скажу здесь одно: наша христианская история не кончилась с Петром. Забегая вперед, скажу, что не кончилась она и с Лениным. Петербург в качестве имперской столицы понес драгоценную чашу православной веры, и еще неизвестно, кому в этом плане пришлось труднее – Москве ли с ее открытым исповеданием вселенского призвания (Новый Иерусалим – Третий Рим) или Петербургу с его «тайным» христианством и откровенным неоязычеством (прежде всего, протестантского и масонского типа). Во всяком случае, именно так следует понимать «азиатский соблазн» Москвы и «европейский

соблазн» Петербурга. Каждый из этих центров Святой Руси испил свою чашу до конца, и наша задача состоит не в том, чтобы судить и отлучать, а в том, чтобы по возможности выявить идею, «замысел» этих столиц перед Россией.

Итак, Петербургу суждено было выявить Русь Западу; более того, ему предназначено было впустить католическо-протестантско-масонский Запад в себя. Если Москва победила Восток на Куликовом поле и державно оформила русское православное Царство, то Петербургу пришлось сразиться с иным противником – Европой, которой, в отличие от татар, нужна была прежде всего православная душа. Феофан Прокопович после смерти Петра почти открыто изводил православную веру в «этой стране», и последующее немецкое засилье лишь обнаружило временный успех его планов в лице бироновщины и т. п. На протяжении всей истории Петербурга серебряная Русь была как бы обречена воспроизводить себя в иноземных культурно-исторических формах: «работа Господня» шла во дворцах барокко и ампира, на страницах романов и поэм, в трактатах по философии и политике... От Чаадаева до Леонтьева, от Пушкина до Соловьева Русь только и делала, что восстанавливала себя после очередного – военного или умственного, поэтического или мистического – соприкосновения с романо-германской «страной святых чудес». В петербургской России накопилось большое напряжение между содержанием и формой, между тем, «что» и «как» делалось в стране. Начиная с судьбоносной игры слов в названии³ и кончая последними днями императорской власти, Санкт-Петербург вел свой трагический империализм к революционной развязке, в которой уже очевидно для всех проступили эсхатологические черты. Двойственность петербургской души имела не только отрицательные последствия – она имела значение двигателя истории. Так проступают перед нами пути, приведшие к революции 1917 г., – в религиозном, культурно-политическом и собственно человеческом измерениях.

Как известно, первая революция этого года произошла в февралемарте. Острые февральской революция было нацелено прямо в центр русской цивилизации – в её духовное ядро. Явление 2/15 марта – в день отречения последнего православного государя – Державной иконы Божией Матери под Москвой было, конечно, не случайным совпадением. Восставшие против законного царя думские политики-либералы (и прочие «фармацевты», как обозвал их Александр Блок) задумали перевернуть Святую Русь с «головы на ноги», превратив её в умеренную буржуазную республику англо-французского типа, то есть взять реванш за поражение 1905 г. Кстати, революцию 1905 г., так озаботившую авторов «Вех», не дал довести до конца простой русский

народ, благословленный на это св. Иоанном Кронштадтским. В то же время «прогрессивное общество» рукоплескало террористам, посыла-ло поздравления с победой в войне японскому императору, а думский лидер тогдашних либералов англоман П. Милуков до конца эмигрант-ской жизни гордился тем, что своей речью в Думе в ноябре 1916 г. («глупость или измена?») подал воюющей стране «революционный сигнал». Между прочим, до победы над Германией в Первой мировой войне оставалось несколько месяцев. И до Москвы и Волги немцы тогда не дошли, война шла в Австрии и Польше.

Так или иначе, в «сухом остатке» активности февралистов-масонов оказалось крушение русского самодержавия («Кругом трусость и из-мена», - записал в своем дневнике отрекшийся от престола импера-тор) и последующий распад огромной Российской империи на десятки кровоточащих кусков. Власти либералов с красными бантами хвати-ло тогда едва на 9 месяцев, армия дезертировала, генерал Корнилов пошел войной на Петроград, началась всеобщая смута. Власть валя-лась в пыли, и нужен был кто-то решительный, чтобы эту власть взять.

Решительные нашлись среди большевиков во главе с Лениным. Разумеется, с юридической точки зрения, Октябрь 1917 г. был типич-ным верхушечным переворотом, однако за последующие 5 лет крас-ные победили белых и помогавших им союзников по Антанте (заме-тим, что командовали белыми армиями вовсе не монархисты, а гене-ралы-февралисты, и воевали они не за царя, а за Учредительное со-брание) и собрали разделившуюся Россию почти в границах империи. Однако подлинным создателем СССР был, конечно, Сталин, постро-ивший за три пятилетки фактически новую сверхдержаву, взявшую в 1945 г. Берлин, создавшую первую водородную бомбу и первой вы-шедшую в космос. И патриаршество в Русской церкви после интерна-ционал-коммунистического погрома было восстановлено именно при нем. Причем у него не было колоний и волшебных источников нефти, все приходилось делать на энтузиазме, страхе и рабском труде. Да, это было страшно, и не дай Бог нам увидеть что-то вроде раскулачи-вания, ГУЛАГа и воронков по ночам, но если бы этого не произошло, сейчас уже не было бы не только русского народа, но и многих других, примкнувших к нему лет 200 назад племен. И Бердяев недаром напи-сал книгу «Истоки и смысл русского коммунизма» к 20-летию совет-ской власти. Да, большевики спасли страну после либерально-рево-люционного крушения, против которого оказались бессильны призывы мудрых «веховцев», ценой жизни миллионов её сыновей и дочерей. Это не теория, это медицинский факт. Стоило ли спасение России такой цены? Тут каждый выбирает своё. Когда-то один из поэтов-«фарма-цевтов» (кажется, некий Джек Алтаузен) написал по поводу памятни-

ка гражданину Минину и князю Пожарскому на Красной площади: «Подумаешь, они спасли Россию! А может, лучше было не спасать?» Можно тут вспомнить и о слезинке ребенка...

Существует мнение, что христианская история Руси кончилась в 1917 г., а русского народа больше нет. Не думаю, что это так. Один из ключевых авторов сборника «Вехи» С.Л. Франк писал в 1930-х гг., что «русский дух насквозь религиозен. Он не знает, собственно, других ценностей, кроме религиозных»⁴. Почему же рухнуло самодержавие? Если ответить коротко – потому, что не смогло оградить народ от власти капитала. По афоризму Бердяева, Третий Рим стал Третьим Интернационалом. «Веховцы» проследили тайну превращения социал-модернистской марксистской доктрины (правда, с сильным ветхозаветным элементом) в русскую – православную по истокам мечту о мировом спасении. Сила (и одновременно соблазн) русского коммунизма была в том, что он не бедных предлагал сделать богатыми, а, наоборот, богатых опалить пламенем мирового пожара. «Мы на горе всем буржуям мировой пожар раздуем, мировой пожар в крови. Господи, благослови!» Соответственно своей истории и своему духовному строю Россия испытала, осуществила то, что на Западе в лучшем случае было предметом умозрительных построений. В этом плане можно сказать, что Россия ценой собственной крови спасла человечество от веры в апостасийную утопию. В русской культуре произошло парадоксальное сращение базовых религиозно-исторических ценностей – и прежде всего идеи царственного, праведного бытия - с пришедшими с Запада претензиями прагматического использования этого бытия, вплоть до его радикальной переделки. И в ноябре 1917 г. большевики захватили только политическую власть, а духовную власть в том же месяце после двухсотлетнего перерыва принял на себя избранный на кремлевском поместном Соборе патриарх Тихон (впоследствии канонизированный). И столицу через некоторое время перенесли из западнического Петербурга в русскую Москву.

5. «Перестройка», события 1991-1993 гг. и наше время. В 1991 г. ориентированные на золото либерал-глобалисты (бывшие коммунисты) под демократическими лозунгами снова пришли к власти в Москве. Это была новейшая (уже третья за XX в.) либеральная революция, осуществленная большевистскими методами: партноменклатура конвертировала правительственную власть в экономическую. По глупости или из корысти очередные либерал-революционеры полагали, что всё решит невидимая рука рынка – и получили в результате страну в границах XVII в., где конфликтовали все со всеми, и где только ленивый не проектировал дальнейшего распада страны на «Уральскую республику», «Дальневосточную республику» и пр. Академик

Сахаров, к примеру, предлагал таких осколков не менее тридцати – тоже либерал был...

Так или иначе, В.В. Путин и его команда предотвратили в начале XXI в. дальнейший распад России, сохранив основы российской государственности (символизируемые царским гербом, советским гимном и демократическим флагом) и покончив с диктатом экономического тоталитаризма. «Семибанкирщине» дали понять, что она не всё может. При всем своем внешнем антидемократизме путинские действия соответствовали народной воле, и народ поддержал их – сравните результаты думских и президентских выборов 2003–2008 гг. Я уже не говорю о полном провале либерально-западнических партий, списать который на пресловутый «административный ресурс» при всем желании не удастся. Если бы правительству Медведева-Путина удалось построить соответствующую мировому значению России национальную (а не компрадорскую) экономику – и прежде всего начать продавать русскую нефть и газ за русские рубли, покончив тем самым с политической монополией доллара, – православно-русская цивилизация была бы материально обеспечена, во всяком случае, в обозримом будущем.

Конечно, существуют замечательные «Либеральные манифесты» 1947 и 1997 гг. о свободе, ответственности и справедливости как главных ценностях либерализма. Либерализм предлагает человеку: «Делай, что хочешь, ты сам себе хозяин! Но при этом ты сам отвечаешь за себя, твой дом – твоя крепость, всё остальное – Бог, государство, родина – суть только части тебя». В наше время этот «свободный собственник» целиком стал рабом рынка и телевидения, которое кормит его «чернухой-порнухой», а улицы его города оказываются во власти многообразных «меньшинств». На языке культурологии это называется постмодерном (ПМ), непреложно свидетельствующем о завершении фаустовского (модернистского, ренессансно-просветительско-романтического) этапа европейской истории и переходе её в предсмертную гедонистически-игровую потребительскую фазу.

Сегодня в странах, пораженных вирусом ПМ, уже нет религии, философии, искусства, науки в собственном смысле слова; есть более или менее похожая подделка (симулякр) под них. Недавно президент США Обама разрешил работу со стволовыми клетками эмбрионов (фактическое их убийство), а в Англии испытали первый образец машины для чтения мыслей – увлекательная перспектива, не правда ли? Во многих странах узаконен гомосексуализм, лет через 10 узаконят зоофилию, потом педофилию, потом некрофилию и кончат людоедством – это ещё Достоевский предсказал. Несколько месяцев назад в Петербурге два молодых «гота» убили и съели девушку-«эмо». Люди, больные ПМ, противны самим себе.

Конечно, такой человек – и цивилизация таких людей – долго не протянет. Тем более, что она накопила горы оружия, а даже незаряженное ружье раз в жизни стреляет. Лет через 15–20 ядерная бомба может стать достоянием многих даже небольших стран, не говоря уже о мощных сетевых организациях, превосходящих иные страны и по территории, и по бюджету. На горизонте уже видны признаки кибервойн, испытываемых сейчас в играх разного рода геймеров и хакеров. Человечество всегда воевало, и нет никаких основания думать, что оно перестанет это делать в третьем тысячелетии.

Опасность постмодерна в том, что он, по сути, есть практика постжизни, или, попросту говоря, смерти. Да и что ещё делать Нарциссу, пережившему самого себя? Конец истории, вопреки Ф.Фукуяме, может наступить не от всеобщего либерального умиротворения, а от войны всех против всех, предсказанной в Апокалипсисе. Постмодерн не дает этой войне реальной альтернативы, он только до времени маскирует и одновременно разжигает её. Подкладывает щепки во все мировые костры. Существует, правда, проект так называемого «мирового правительства», но он предполагает «электронный концлагерь» и новейшую помесь феодализма с рабовладением – на мой взгляд, выход не лучший. Настоящая защита от ПМ, а значит и от преждевременного саморазрушения человеческого мира – это вера в абсолютную реальность и ценность жизни, даруемой Богом. И продолжается она до тех пор, пока мы Его радуем. Как говорится, иного не дано. Впереди трудные времена – может быть, самые трудные для человечества и для России. И новоизбранный патриарх Кирилл не случайно сказал в своей тронной речи о цивилизации Святой Руси. Если на этот раз её ядро не устоит, это будет означать конец человека как духовного существа – никакие экзотические практики Востока тут не помогут.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. См.: *Прот. А.Шмеман*. Исторический путь Православия. М., 1993. С. 380.
2. В частности, можно вспомнить отношение народа к «злому» Иоанну Грозному и «доброму» Борису Годунову, что нашло свое выражение и в классике (у Пушкина и Лермонтова прежде всего).
3. *Лотман Ю.М., Успенский Б.А.* Отзвуки концепции «Москва – Третий Рим» в идеологии Петра Первого (К проблеме средневековой традиции в культуре барокко) // *Художественный язык средневековья*. М., 1982.
4. *Франк С.Л.* Русское мировоззрение // *Духовные основы общества*. М., 1992. С. 483.